

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

**ВСЕСВЕТНЫЙ
РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СОЮЗ
СОЦИАЛЬНОЙ
ДЕМОКРАТИИ. РУССКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ. К РУССКОЙ
МОЛОДЕЖИ. (Кооперация и
Классовая Борьба)**

Михаил Бакунин

Михаил Бакунин
ВСЕСВЕТНЫЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СОЮЗ СОЦИАЛЬНОЙ
ДЕМОКРАТИИ. РУССКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ. К РУССКОЙ
МОЛОДЕЖИ. (Кооперация и Классовая Борьба)
март 1870

ISG

ru.anarchistlibraries.net

март 1870

Оглавление

Введение	5
1. Партии Реакции	8
2. Мирные кооперативные социалисты	19
3. Начало и Программа Интернационала	31
4. Привилегированные, вступающие в Интернационал	36
5. Успехи Интернационала	43
6. Причины успеха: практическая пропаганда, положение рабочих, штрейкбрехерство, законы рынка и необходимость Интернациональной солидарности	49

7. Рабочая аристократия, за буржуазный социализм, и Революционная, за классовую борьбу	56
8. Классовая борьба ведет к могуществу пролетариата. Опыт английского рабочего движения	63
9. Стачка и разрыв с буржуазным миром. Опыт французского рабочего движения	69

Да, стачки великое дело: они создают, размножают, организуют и образуют рабочее войско – но войско, которое должно побороть и сломать буржуазно-государственную силу и приготовить широкую и свободную почву для мира нового. И нужно отдать
(Окончание будет)⁵¹.

⁵¹ Сложно сказать, какую именно последующую работу можно считать продолжением этой. По крайней мере, больше у Бакунина с таким названием ничего не выходило.

и в Обене⁴⁹ наполеоновскими солдатами открыла окончательно глаза французскому пролетариату. Работники поняли, что император, со всем государственным заведением своим – им враг.

Но те же самые стачки показали им с другой стороны, что и буржуазный радикализм им нисколько не друг. Интересно было следить за словами и действиями *непримиримых представителей народа* в законодательном собрании, и за проявлениями самых революционных буржуазно-республиканских журналов, во время этих стачек и последовавшей за ними резни. Им нельзя было не заступиться за работников, но они делали это так принужденно, так холодно, что видно было как они отстаивали не свое, а чужое, рабочее дело. Они отстаивали не работников, требующих права на жизнь и на человеческое равенство, а *граждан*, оскорбленных в своем политическом праве. В Парламенте ни один депутат не смел сказать ни одного слова в защиту собственно рабочего вопроса. А между журналами только одна «Марсельеза»⁵⁰ имела храбрость поставить его. Все другие ограничились политической стороной вопроса. Таким образом работникам стало ясно, что между ними и буржуазным радикализмом, такая же и, пожалуй, еще глубже пропасть, чем та, которая существует между Республиканцами и Империей.

И этой ясной постановкой социального вопроса во Франции, работники обязаны единственно *стачкам*.

⁴⁹ Расстрел правительственными войсками рабочей демонстрации в Рикамари 16 июня 1869 года и стачечников в Обене 6 октября 1869 года.

⁵⁰ «La Marseillaise». Вышла под редакцией В. Рошфора в ноябре 1869 года. О дальнейшем пути Рошфора Бакунин будет писать в Марсельской рукописи 1870 года – сочинении, ставшей черновиком для Кнуто-Германской Империи и Социальной Революции.

Введение

Сорокастраничная рукопись, написано в марте 1870 года в Женеве в серии пропагандистских брошюр, прокламаций и других изданий, предназначенных для русской аудитории, впервые напечатано на русском языке: Женева, типография Чернецкого, 1870. Переиздано: Русское отделение. К русской молодежи. Женева, М. Элпидин, 1888; то же. Берлин: Г. Штейниц, 1904.

Данная брошюра фактически является введением для русской революционной молодежи в мир западной политики и в особенности в мир западного социализма и рабочего движения на момент начала 1870 года.

Бакунин рассказывает о различных «партиях реакции» – консерваторах, ультрамонтанах (католиках-иезуитах), «доктринерных либералах» (или радикалах), политических революционных республиканцах (что-то вроде левых либералов или левых демократов). Особо примечательна его критика мирно-кооперативных «буржуазных социалистов» самых разных европейских стран, что во многом их крах стал толчком для головокружительного успеха Интернационала, углублению использования классовой борьбы как практической пропаганды, которая открывает двери и для теоретической, – Бакунин считает, что успешной пропаганда может быть лишь тогда, когда она соответствует инстинктивной мысли человека, рабочие поэтому становятся восприимчивы для революционной теории только тогда, когда сами находятся в активном противостоянии, – нужно поэтому воздействовать больше на само положение, чем на умы. Уделено вместе с тем большое внимание программе Интернационала и ее важному значению, – вложенные в нее принципы, основанные на том, что объединяет всех работников, а не политические идеи, которые их разъединяют, стали основой для Интернациональной солидарности. Рассказана короткая история французского и английского рабочего движения и самого Интернационала во всех странах, в которых име-

сударства: Муравьевыми⁴⁶, Шуваловыми, Бергами⁴⁷, Потаповыми⁴⁸, и множеством других.... верных, а главное исполнительных людей.

Во Франции, императорский социализм имел столь же плачевный конец. Рабочая кровь, пролитая в Рикамари

⁴⁶ Михаил Николаевич Муравьев (1796-1866) – до 1821 года декабрист. В 1825 (после неудачного выступления) арестован, но оправдан. В 1826 году витебский вице-губернатор, а в 1828 могилевский. Принимал участие в подавлении польского восстания 1830-1831 годов. С 1850 года член Государственного Совета. В 1857-1861 годах министр государственных имуществ; противник проведения крестьянской реформы. Во время польского восстания (1863-1864) генерал-губернатор Северо-Западного края с чрезвычайными полномочиями; за жестокость при подавлении восстания заклеямен общественным мнением как «вешатель».

⁴⁷ Берг Федор Федорович (Фридрих Вильгельм Ремберт фон Берг) (1793-1874) – российский дипломат, географ и военачальник, генерал-фельдмаршал (1865); граф Великого княжества Финляндского. Принимал участие в войнах с Наполеоном (1812-1814), турками (1828-1829) и Польшей (восстание 1830). В 1820-е годы составил военно-статистическое описание Турции. Руководил экспедициями в Среднюю Азию (1823, 1825), материалы которых были использованы при составлении карт. Производил также съемку в Болгарии и Румынии (1828-1829). Был избран почетным членом Русского географического общества (1870). В 1854-1861 годах генерал-губернатор Финляндии. С 1863 года последний наместник Царства Польского.

⁴⁸ А. Л. Потапов (1818-1886) – подавлял венгерскую революцию (1848) во главе российских войск. После крымской войны стал деятелем политического сыска – с 1860 года обер-полицмейстер Санкт-Петербурга, Москве и Варшаве, был в свите его Величества. В 1861 году начальник корпуса жандармов, возглавил III Отделение, на этом посту он получил известность благодаря делу Чернышевского, которого осудили и сослали. Противостоял террору Муравьева-вешателя, за что был уволен и отправлен главой к донским казакам. Был виленским генерал-губернатором, в 1874 году стал главой жандармерии и III Отделения, в 1876 году член Государственного совета.

Персиньи⁴⁴, которая, в противоположность буржуазным либеральным стремлениям, силилась создать дикий и обратный союз императорского деспотизма с рабочим социализмом. В начале шестидесятых годов мы видели нечто подобное в России, где Славянофилы вместе с красной бюрократической партией Милютина, мечтали об уродливом сочетании крестьянства с императорством. Известно чем кончилась эта попытка в России. Сослужив свою бесчестную и кровавую службу против несчастной Польши, Милютинцы⁴⁵ и Славянофилы увидели себя отброшенными в сторону, как подставка переставшая быть полезной, и замененными настоящими слугами Всероссийского Го-

⁴⁴ Фиален де Персиньи (1808-1872) – сначала роялист, затем крайний республиканец. Участник революции 1830 года. Удаленный от службы за республиканские идеи, сделался рьяным сторонником бонапартизма. В 1836-1840 годах участвовал в попытках Луи-Наполеона захватить власть, участник переворота 2 декабря 1851 года, в 1852-1854 и 1860-1863 годах министр внутренних дел. Система его управления характеризуется секретным циркуляром (1861) к префектам, в котором он предписывает им всегда иметь наготове возможно полные списки всех подозрительных людей (республиканцев, орлеанистов, роялистов), чтобы по первому приказу правительства немедленно арестовать всю опасную группу или всех сразу

⁴⁵ Милютин Николай Алексеевич (1818-1872) – государственный деятель, статс-секретарь, один из главных разработчиков Крестьянской реформы 1861 года. Брат Д. А. Милютина, военного министра. С 1835 года служил в Министерстве внутренних дел, занимался делами городского хозяйства, промышленности и торговли. По политическим взглядам – умеренный либерал, близкий к славянофилам. Автор и редактор многих статистических трудов. В 1836 году как статс-секретарь Его Императорского Величества для особых поручений, вместе с Ю. Ф. Самариным и князем В. А. Черкасским руководил «умиротворением» Польши; совместно разработал ряд предложений, одобренных Александром II, в том числе Положение от 19 февраля 1864 года, наделявшее землей польских крестьян.

лись его секции, а также определены фактические причины этого успеха, как то: плачевное положение работников, законы рынка и штрейкбрехерство, – со всем этим возможно бороться только интернациональной солидарностью трудящихся.

Крах «мирно-кооперативной» практики привел к развитию стачечного движения, и Бакунин подробно останавливается на живительной практике стачек, которые, с одной стороны, порубают всякие связи работников с буржуазным миром, а с другой стороны, в ходе борьбы за мелкие улучшения, организуют пролетариат в великую силу, способную впоследствии свергнуть иго капитала и государства.

Оригинальная работа не разделена на 9 глав. Это разделение добавил публикатор. К названию в скобках также добавлены слов "Кооперация и Классовая Борьба"

ВСЕСВЕТНЫЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СОЮЗ
СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ
РУССКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
К РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ.

1. Партии Реакции

в бессилие. А что может быть ложнее и нелепее положения представителей народного дела в императорском парламенте!

Мы докажем впоследствии, что не только императорский, но никакой *политический* парламент, даже самый республиканский, хоть бы он весь состоял из работников, не в силах дать народу действительную свободу⁴³. Об императорском и говорить нечего. Всякому должно быть ясно, что его дело притеснять, а не освобождать, и что каковы бы ни были *внутренние* чувства и *идеальные* стремления демократических и народолюбивых членов его, в *действительности* они будут всегда участниками притеснения.

Французские работники, несмотря на все свое остроумие, так мало поняли это, что они приписали бездействие и бессилие своих депутатов не плачевным necessitatibus нелепого положения, а личной слабости и даже измене – они были готовы требовать их отставки, для того чтобы заменить их другими, более энергичными и честными; и неизвестно как бы долго они стали блудить в этой безвыходной политической трущобе, если бы *рабочие стачки*, вызванные экономической необходимостью и поднявшиеся вдруг и почти одновременно во всех концах Франции, не возвратили их к их настоящему, социальному вопросу.

Обеньские, Рикамарийские и Крезотские стачки принесли двойную пользу. Они рассеяли туман с двух сторон, определив ясно в одно и то же время, отношения рабочего вопроса к империи и к представителям буржуазной республики.

Известно, что Империя долго кокетничала с рабочими массами. Между слугами Наполеона III есть целая категория, чтобы не сказать партия, предводительствуемая

⁴³ В этой брошюре эта тема о том, что никакой парламент вообще не в силах дать свободу, не раскрыта будет.

до истины рядом фактических неудач и совершаемых ими промахов. Видно, французским работникам надо было сделать еще этот опыт, чтобы окончательно убедиться в решительной неспособности представителей буржуазного радикализма служить народному делу.

После этой победы на выборах французские работники были так восхищены своим, или вернее, *чужим* торжеством, одержанным только их единодушным усилием, что казалось, они совсем забыли *свой собственный* социальный вопрос. Точно присутствие каких-нибудь двадцати или тридцати старых, отживших и переживших себя республиканцев в законодательном собрании могло изменить что-нибудь не только в экономическом положении рабочей массы, но даже в настоящих отношениях империи!

Работники ждали от своих депутатов чудес. Депутаты ровно ничего не сделали и оказались в законодательном собрании тем, чем они были везде и всегда – нулями, нулями по положению и по убеждению, по всей своей программе, равно как и по своим отношениям к правительственному и к рабочему миру – старой, идеальной фразой об идеальном праве между двумя не на жизнь, а на смерть борющимися действительностями. Видя бездействие своих депутатов, работники стали к ним несправедливы, – требуя дела и силы от людей, обреченных на бессилие всеми условиями той среды, в которой они действуют и всем своим личным положением. – Они не хотели или не умели понять, что самые умные, самые сильные, самые искренние и горячие люди, состоятельны только до тех пор, пока у них есть почва под ногами, пока они остаются в среде и в условиях соответствующих предпринятому ими делу, и что нет силы способной бороться против ложного положения; а что выход из такого положения есть поэтому первое и необходимое условие для того, чтобы сила не перестала быть силой, для того чтобы она не превратилась

Внимание Европейской Демократии обращено в настоящее время на Россию. Слухи о бесчисленных арестах, о повсеместном волнении и о готовящемся взрыве народных масс, заставили призадуматься даже и тех представителей общественного мнения на Западе, которые наименее расположены допустить возможность целесообразного народного движения в России.

Само Петербургское правительство, не умевшее скрыть ужаса, объявшего его, в эти последние дни, при первом столкновении с серьезным народоосвободительным предприятием, много способствовало к открытию глаз западной публики. Ругательно-клеветливые статьи петербургских и московских газет, имевшие целью успокоить русскую публику и надуть публику европейскую, способствовали, только напротив, к пробуждению и той и другой. Наконец бесчисленное множество русских шпионов обо его пола, высланных правительством за границу, и хлопотливое рыскание предводителей этой грязной толпы – Шувалова¹, Мезенцова², Трепова³ и других, мечущихся как угорелые из Петербурга в Берлин, из Берлина в Париж, из Парижа в Вену, оттуда в Швейцарию и Лондон, – все это окончательно доказало Европе, что в России движение подымается не на шутку, и что правительству русскому грозит большая опасность.

¹ П. А. Шувалов (1827-1889) – шеф жандармов и главный начальник III Отделения (с 1866), обладал огромной властью, за что получил прозвище «Петр IV».

² Н. В. Мезенцов (1827-1878) – начальник штаба корпуса жандармов (1864), товарищ шефа жандармов (1874), шеф жандармов и начальник III Отделения (1876). Убит Степняком-Кравчинским в ответ на казнь революционера И. М. Ковальского.

³ Ф. Ф. Трепов (1812-1889) – обер-полицмейстер Петербурга (1866-1873), казнокрад, практиковавший пытки. В 1878 пережил покушение Веры Засулич.

Все спрашивают, что же может выйти из такого движения? Западная европейская публика, в отношении к этому вопросу, также как и в отношении ко всем другим, разделяется на множество разных партий. Назовем главные:

1-ая, партия *отъявленных реакционеров* или *консерваторов* во что бы то ни стало. Она состоит из всех больших собственников: поземельных, капиталистов, негоциантов и фабрикантов, и из значительной толпы людей, снискивающих через них средства к жизни, а потому и зависящих от них непосредственно. Сюда же принадлежит весь мир официальный, огромная масса привилегированного чиновно-военного люда во всех государствах. Нечего и говорить, что эта партия относится враждебно к русскому, равно как и ко всякому другому народному движению.

К этому разряду принадлежит также, по самому существу своих стремлений, 2-ая партия *ультрамонтанская*⁴ или *католиков-иезуитов*. Она стоит везде во главе самой яростной реакции, и должна бы была быть для каждого правительства союзницей драгоценной. Она и в самом деле проповедует народным толпам терпение и послушание властям, но только под тем условием, чтобы сами власти подчинились безусловно велениям Римского Папы⁵. Такое требование, вытекающее, впрочем, из самого существа католического учения, мешает партии ультрамонтанов слиться вполне с партией государственных консерваторов.

⁴ Ультрамонтанство («ultra montes» – за горами, то есть за Альпами, в Риме) – религиозно-политическое направление в католицизме, сторонники которого отстаивают идею неограниченной верховной власти римского папы и его право вмешиваться в светские дела любого государства.

⁵ Глава католической церкви, раньше также глава государства «Папская область» в центральной Италии.

мысль, она овладеет несомненно и скоро возбужденными толпами бунтующего народа; а когда раз эта мысль впала в народ, она не замедлит обратиться в торжествующую действительность.

Каждая стачка еще тем драгоценна, что она расширяет и углубляет все более и более пропасть разделяющую уже ныне везде буржуазный класс от народной массы; что она самым ощутимым образом доказывает работникам абсолютную несовместимость их интересов с интересами капиталистов и собственников; тем, что уничтожая таким образом в самом сознании масс ныне эксплуатируемых и поработанных капиталом и собственностью возможность всяких компромиссов и сделок, уничтожая в корне все что мы называем буржуазным социализмом, она ставит дело народного освобождения вне всех политических и экономических схем имущих сословий.

Да, нет лучшего средства чтобы вырвать работников из-под политического влияния буржуазии, как стачка. Мы недавно видели тому доказательство во Франции. Известно, что выборы 1869 года в трех главных городах: в Париже, в Лионе и в Марселе были торжеством для партии буржуазно-республиканской, благодаря единодушию, с которым работники, позабыв и Июньские дни и все старые обиды и горькие уроки недавно прошедшего, подали свои голоса в пользу *непримиримых* республиканцев, непримиримых в двойном отношении: и в отношении к императору и к империи, но еще более в отношении к народному социализму. Это было со стороны работников и очень великодушно и очень.... наивно.

Впрочем, глупости бывают полезны, а главное, они неизбежны в народной истории. Народные массы, лишенные книжного образования и не имеющие ни привычки к сознательно-последовательному развитию мысли, ни достаточно времени для размышления, учатся и доходят

Кто не знает каких жертв и каких страданий каждая стачка стоит работникам. Но стачки необходимы; так необходимы, что без них не было бы возможности ни поднять народные массы на социальную борьбу, ни организовать их. Стачка – война, а народные массы организуются только во время войны и только посредством войны, вырывающей каждого работника из его обыкновенного, бессмысленного, безотрадного и безнадежного уединения; война соединяет его вдруг со всеми другими работниками, во имя одной страсти и одной цели, и убеждает всех самым наглядным и ощутимым способом в необходимости строгой организации для одержания победы. Возбужденные народные массы все равно что расплавленный металл, который спаивается, сливается в одну сплошную массу и формируется гораздо легче, чем металл, находящийся в состоянии холодном, лишь бы только нашлись добрые мастера для формирования его сообразно свойствам и внутренним законам присущим данному металлу, сообразно народным потребностям и инстинктам.

Стачки пробуждают в народных массах все социально-революционные инстинкты, которые таятся в глубине сердца каждого работника, составляют можно сказать его историческое, общественно-физиологическое существо, но в обыкновенное время, под гнетом рабской привычки и всеобщего смирения, сознаются только весьма немногими. За то, когда эти инстинкты, вызванные экономической борьбой, просыпаются в воспрянувших рабочих толпах, тогда пропаганда социально-революционной мысли между ними становится чрезвычайно легка. Ведь эта мысль не что иное как самое чистое и верное выражение народных инстинктов. Если она не вполне соответствует им, так она ложна; а на сколько она ложна, она будет отвергнута народными массами. Но за то, если она выражает их честно, если она есть *настоящая народная*

И до тех пор, пока будет существовать Римская церковь⁶, до тех пор она останется вне государства и соперником государства. Соперником, но вместе и неразрывным союзником. Католическое государство и Римская церковь поставлены в отношении друг к другу в такое странное положение, что они ни жить вместе, ни существовать друг без друга не могут; и потому вся история их наполнена периодически перемежающимися разрывами и примирениями.

В отношении к Всероссийскому государству, положение Римской церкви совсем другое. Она смотрит на него как на вредную церковь, и на царя как на антихриста, антипапу. Поэтому самому она не относится к народному движению в России с тою ненавистью, с какою относится к нему партия Западных государственных консерваторов. Она готова видеть в нем перст божий, наказание за отступничество и даже была бы не прочь оказать ему свою *опасную* помощь, в надежде, что разрушение Русского государства восстановит могущество аристократической Польши, и сделает Россию доступною для Римско-католической пропаганды.

3-ья более прошедшая, чем настоящая партия в Западной Европе, это партия *доктринеров, умеренных либералов или конституционалистов – партия среднего мещанства*. Она процветала, была могуча, умна, предприимчива в продолжение тридцати шести лет, от 1815 до 1851 года; но с тех пор, как страх социальной революции заставил ее искать спасения под покровительством военной диктатуры, она утратила весь ум, всю веру, всю силу. Беспомощность ее обнаруживается с каждым днем все более и более. Ей ненавистно даже самое слово революция, напоминающее ей

⁶ Протестантская церковь давно помирилась и слилась с государством, сделавшись его покорным слугой, точь-в-точь как в России Православная церковь. (прим. авт.).

прошедший позор и настоящее бессилие. Она имеет еще теперь только материальное значение, да и оно видимо уменьшается под двойным напором всемогущих больших капиталов, с одной, и грозно выступающего пролетариата, с другой стороны.

Из этой партии выделился разряд людей более энергичных и радикальных, образующих 4-ую партию *республиканцев* или *исключительно политических революционеров*. Во главе ее стоят ныне, во Франции *Ледрю-Роллен*⁷, в Италии знаменитый *Мадзини*⁸. Они преследуют утопию, хотят осуществления свободы, равенства и братства между людьми и народами, без социально-экономического переворота. Хотят сохранить общественные и государственные основы неправды и уничтожить неправду и обещают совершить это чудо посредством демократического народного воспитания, позабывая или даже не зная, что первое необходимое условие такого воспитания – это действительное *равенство экономического и социального положения для всех*.

Между радикальной партией республиканцев и доктринерно-умеренной партией конституционных либералов, нет существенного различия. Начало у них

⁷ *Ледрю-Роллен* (Ledru-Rollin) Александр Огюст (1807-1874) – французский политический деятель, мелкобуржуазный демократ, был адвокатом в Париже, с 1841 года член палаты депутатов. Один из основателей радикальной оппозиционной газеты «La Reforme». После Февральской революции 1848, свергнувшей королевскую власть Орлеанов, член временного правительства (министром внутренних дел), с мая 1848 года – член исполнительной комиссии. Участвовал в подавлении Июньского восстания 1848 года. В мае 1849 года избран в Законодательное собрание. Стал политическим эмигрантом в Лондоне, где основал с Джузеппе Мадзини и Лайошем Кошутом «Европейский демократический комитет». В 1871 году избран депутатом Национального собрания. Выступал против Парижской коммуны.

⁸ Джузеппе *Мадзини* (1805-1872) – видный революционер и один из руководителей движения за объединение Италии, руководитель и идеолог его левого республиканско-демократического направления.

9. Стачка и разрыв с буржуазным миром. Опыт французского рабочего движения

ние и точку отправления всей настоящей организации Интернациональной ассоциации работников.

тоже самое, только темпераменты их различны. Как те, так и другие ставят в основание общественной организации: *государство, семейное право*, вытекающее из него *право наследства и личную собственность*, то есть *право имущего меньшинства эксплуатировать труд неимущего большинства*. Разница между ними состоит только в том, что доктринерные либералы хотят сосредоточить все политические права исключительно только в руках эксплуатирующего меньшинства, а радикальные либералы хотят их также распространить и на эксплуатируемые народные массы. Доктринеры смотрят на Государство, как на крепость, созданную главным образом для утверждения за привилегированным меньшинством преобладания политического и экономического; а радикалы напротив, указывают народу на Государство как на защиту против деспотизма того-же самого меньшинства.

Нужно признать, что логика и весь исторический опыт на стороне доктринеров! Пока народный труд будет кормить, содержать и обогащать привилегированные сословия, до тех пор народ, неспособный к самоуправлению, будет непременно образом управляем, именно в виду этой принужденной работы не на себя, а на других, условиями его эксплуатирующими. Тут ничего не сделает даже самая широкая демократическая конституция, потому что факт экономический всегда сильнее политических прав, которые имеют смысл и действительность только, поскольку они на нем опираются. Да наконец, сами слова: *равенство политических прав*, или *демократическое государство*, заключают в себе вопиющее противоречие. Государство, государственное или политическое право, означает силу, власть, преобладание; предполагают потому разделение людей на сильных и слабых, на полноправных и на бесправных, предполагают фактическое неравенство. Где управляют все, там нет более управляемых, нет госу-

дарства; где все пользуются одинаковым человеческим правом, там все политические права упраздняются сами собой. Политическое право означает привилегию, но где все равно-привилегированы, там привилегия исчезает и с ней и политическое право обращается в ничто. Поэтому слова: *демократическое государство и равенство политических прав*, означают ни более, ни менее, как *уничтожение государства и упразднение всех политических прав*.

Известно, что радикальная партия стремится не к такому равенству политических прав. Не уничтожения, а положительного распространения их на народные массы требуют республиканцы. Они требуют невозможного, обманывая в тоже самое время и себя и народ. Впрочем, их идеал уже осуществлен большей частью в некоторых швейцарских кантонах и в Соединенных Штатах Америки. И что же, несмотря на все мнимое равенство политических прав, и в Америке, и в Швейцарии мы находим тоже самое фактическое подчинение чернорабочего большинства управляющему им имущему меньшинству. Никакие референдумы⁹ и никакие другие усовершенствования и расширения политической конституции не в силах уничтожить его. Его может сломать только социальная революция, разрушительная для государства, для личной собственности, для семейного права и для того, что называется политическими правами.

Собственно, радикальная партия утратила ныне всякое значение, смысл и силу. Также как и партия либеральных конституционалистов, она не имеет ни будущего, ни

⁹ Referendum, так называется в иных кантонах Швейцарии новое право, в силу которого все законы, принятые Законодательным кантональным советом народных депутатов, подвергаются потом непосредственному и поголовному голосованию народа. (прим. авт.)

иностраннных, согласившихся работать за низшую плату, и становившихся таким образом орудиями эксплуатации против Английских работников. Они приводят несколько фактов. Между прочим, пример одной стачки в 1859 году, в которой принимали участие несколько тысяч Английских работников. Эти работники, после тридцатинедельного сопротивления, были наконец побеждены такой конкуренцией. Общее согласие к этому необходимо. – Английские рабочие общества (ремесленные союзы) – готовы принести самые огромные жертвы для того, чтобы достигнуть этой цели. Они предлагают, чтобы рабочие общества всех стран были в постоянном сообщении друг с другом, чтобы посредством статистических изысканий было определено экономическое положение работы в каждой стране, и чтобы установлена была между всеми крепкая связь, которая позволила бы устроить одновременно повсюду стачки огромные и необходимые».

«Французские и Швейцарские делегаты не противятся принятию предложения Английских делегатов. Но вместе с тем они говорят, что не в стачках надо искать разрешения социального вопроса; что цель Интернациональной ассоциации есть уничтожение поденной заработной платы (salarial) и что эта цель может быть достигнута только посредством ассоциации, и в особенности ассоциации кооперативной».

А между тем Англичане были кругом правы. В 1866 году, когда почти все другие члены Конгресса, пороли буржуазно-социалистическую горячку, они предложили единственный способ, который может действительным образом, на самой практике, сплотить рабочих всех стран в одну могучую организацию; способ, который на последнем рабочем конгрессе в Базеле, в Сентябре 1869 года, был признан единодушно за главное основа-

но, и скорее рано, чем поздно, достигнут также и этой цели. Самая медленность развития движений Английских работников, есть верный залог непобедимой крепости и неотвратимо разрушительной силы этих движений.

Тем же самым путем в самое последнее время Английские работники успели наконец победить в себе предубеждение и узкое национальное чувство ненависти против Ирландцев; они пришли к убеждению необходимости признать права Ирландского народа, – этого социалиста по природе, как наш русский народ, – и заключить вечный союз с Фениями⁴¹.

Тем же самым путем, еще раньше, начиная с 1867 года, Ремесленные союзы стали сознавать необходимость *практической солидарности* с работниками Американского и Европейского Континентов.

Они пришли к такому сознанию не на основании каких-нибудь общих теорий и не под влиянием великодушного, но большей частью несостоятельного чувства всеобщего братства, которое так сильно действует на Французов, но силой испытанной или практической необходимости. В доказательство приводим отрывок из отчета о Женевском Конгрессе⁴².

«Английские делегаты развили следующую мысль: необходимо чтобы работники всех стран согласились и соединились для общего сопротивления хозяевам (patrons). В Англии, во время рабочих стачек, нередко случалось, что хозяева торжествовали над сопротивлением работников именно тем, что выписывали с континента работников

⁴¹ Fenians – название обширной ирландской сепаратистской ассоциации, сформировавшейся в 1861-1862 годах и быстро распространившейся как в Ирландии, так и в Америке.

⁴² Congrès ouvrier de l'Association Internationale des travailleurs, tenu à Genève du 3 au 8 Septembre, 1866. – Genève. Imprimerie Ducommun, p.14-15. (прим. авт.)

настоящего и принадлежит вся прошедшему времени¹⁰. Республиканский радикализм проявился во всей своей героической красоте и силе в короткий, но величественный и вечно достопамятный период первой французской революции, и погиб на эшафоте вместе с Робеспьером и Сен-Жюстом. Бабёф (первый революционный социалист, сложивший голову на том же самом эшафоте, два года спустя) произнес над ним надгробное слово.

С тех пор, убитый не столько топором гильотины, сколько своим собственным, внутренним и для него самого неразрешимым противоречием, радикализм республиканский – живой, настоящий, предприимчивый, сильный и полный веры в себя, никогда не воскресал более. Место его было занято бледной, фантастической тенью, способной еще увлечь за собой несколько десятков или даже сотен лиц, но не способной более поднять народные массы.

Но даже и эта тень умерла в Июньские дни 1848 года, когда размолвка между буржуазным радикализмом и социализмом народным, развивавшаяся все более и более под управлением конституционной монархии и ставшая для всех очевидной с первых же дней революции 1848 года, столкнула наконец обе враждебные стороны в смертном, кровавом бою. Буржуазия на этот раз победила, но своей победой она убила себя. Народ же бессмертен, и крещеный в крови, пролитой им на Июньских баррикадах, он двинулся вперед в новую жизнь.

Известно, что после Июньских дней Мадзини и Ледрю-Роллен проклинали социализм и тем самым изрекли приговор над собой и над всей партией политических республиканцев, осужденных отныне на ничтожество и бессилие.

¹⁰ В последних переизданиях этой работы это предложение переиначено «...они не имеют ни будущего, ни настоящего и принадлежат обе прошедшему времени».

С той поры, все что она предпринимала и предпринимает, поражено в самом корне и проявляет самым плачевным образом это бессилие, вытекающее из совершенного равнодушия народных масс ко всем их начинаниям. В настоящее время радикализм уже не просто тень, а тень тени, что-то неуловимое, невозможное и разрывающееся само собой. Называя и воображая себя революционером, он стремится к реакции и во имя всесветного братства, равенства и свободы, силится удержать от неминуемого разрушения все государственные и экономические основы, на которых зиждется вся историческая неправда.

Как относится радикализм к русскому движению? Разумеется, враждебно. Он не смеет высказать ясно этой враждебности, потому что русское движение все-таки движение революционное, а ведь он называет себя революционером. Но русская революция, в полном смысле этого слова – *социальная* революция. Другой не может быть в России; ну, а к такой революции радикализм республиканский не может относиться иначе как враждебно? Не желая признаться в этом чувстве, он старается замаскировать его под выражением медленного недоверия, отзываясь о русском движении с пренебрежением и даже насмешкой.

Русскому движению должно быть решительно все равно, как относится к нему радикальная партия западных республиканцев. Мы сказали выше, что эта партия лишена всякой силы в настоящем, всякой надежды в будущем. Запертая между двумя действительно громадными и ныне единственно существующими силами: между старческой, но еще грозной силой всего реакционного, привилегированного мира, осужденного правда на несомненную, близкую смерть, но еще могучего своими несметными богатствами, своей наукой, многовековым опытом в деле управления и надувания народов, своими бесчисленными войсками и всей государственной организацией; и между

управляема аристократией и буржуазией, все попытки их к улучшению своей доли останутся тщетными, вследствие чего они создали в 1866 году, громадную лигу в пользу парламентской реформы: «*Рабочий парламент и рабочее государство*» – вот лозунг, во имя которого агитируется ныне весь английский пролетариат.

Теперь эта мысль, эта цель овладела английскими работниками, и никакая сила не в состоянии вырвать ее из их голов, пока они не осуществят ее. И они непременно ее осуществят, только тогда они одержат полную победу, и когда на развалинах побежденного и разрушенного буржуазно-аристократического государства, они попробуют основать государство рабочее – только тогда, рядом новых опытов, они придут к убеждению, что *настоящее рабочее или народное государство – есть уничтожение всякого государства*. Но до тех пор вы никакими логическими доводами не убедите их в этом.

Мы еще возвратимся к этому вопросу, когда будем говорить о *социально-революционных партиях*, ныне действующих в Европе⁴⁰.

Точно тем же, исключительно экспериментальным путем, Английские работники дошли в самое последнее время до другого убеждения, по нашему мнению, гораздо более справедливого и важного, а именно что земля, *вся земля должна быть коллективной собственностью народа*, и прибавляют они, в чем мы с ними отнюдь не согласны, должна находиться в управлении и в распоряжении Государства. Для достижения этой цели, впрочем, непосредственно связанной с целью основания рабочего Государства, они создали в прошедшем году новую лигу под названием: *Поземельной и рабочей лиги* (Land and Labour League). Вы можете быть уверены, что они рано или позд-

⁴⁰ Эта тема в этой брошюре не будет раскрыта.

Следуя своим обычным, обыденным, экспериментальным путем, английские работники создали громадную и грозную организацию, существующую под именем *ремесленных союзов* (Trades-Unions) и считающую в настоящее время более 800.000 членов; организация эта, ставшая ныне официально признанной силой, не имела долгой другой цели, кроме войны против капитала посредством стачек, организованных в целой Великобритании. – Поддерживая ежедневно на всей поверхности Англии борьбу только за повышение заработной платы или против понижения ее, и за уменьшение часов работы или против увеличения их, – борьбу против введения машин и вообще против всякого ухудшения доли работника в пользу всякого улучшения ее, Ремесленные союзы, не задаваясь никакой другой мыслью и не преследуя никакой другой цели, сами того не зная и не ожидая, создали коллективное и строго организованное могущество пролетариата.

Это новое могущество должно было прийти рано или поздно к самосознанию, пробуждение его в английской народной массе требовало много лет.

Массы, мыслящие только испытанными и пережитыми ими фактами, а не отвлеченными познаниями, развиваются очень медленно, особенно в Англии, где всякая новая мысль, даже когда эта мысль есть не что иное, как выражение воочию всех совершившихся фактов, – другой мысли никакая английская публика не понимает, – принимается народом с чрезвычайной трудностью. Но за то, когда она проломит себе вход в английские головы, когда она сломит в них противодействующую ей силу исторической и предрассудочной закоснелости, и сделается в них убеждением, тогда она уже немедленно превращается в упорную, необходимую, практически действующую силу.

Так стало наконец английским работникам ясно, что при существующих законах и пока Великобритания будет

юной, восходящей силой многомиллионного пролетариата, готовящегося ныне повсюду к революции социальной – радикальная партия тает как снег весенний и исчезает бесследно как тень – за ней нет ни одного из тех жизненных интересов, которые составляют основу серьезных политических партий. – Ей нечего делать, не на что опереться, она чужая для всех. Язык ее никому не понятен, кроме нескольких сотен фанатичных адептов, не утомляющихся слушать монотонное повторение старых, выжитых, бесследно пропадающих фраз. Для живых и сильных людей, попавших в нее не нарочно, вследствие ли предания, или незнания и неопытности, если они хотят остаться живыми людьми, открывается два исхода: Они или должны перейти, открыто и смело, вслед за всей партией либеральных доктринеров, в партию решительной реакции, или должны стать под красное знамя социальной революции.

Да, в настоящее время, по всюду, в Америке, равно как и в целой Европе, точно также как и в России, существуют только две серьезные, действительные, сильные партии: *Партия Реакции* обнимающая собой весь мир государственный и сословный, и опирающаяся на личный, наследственно передаваемой собственности, на вытекающей из нее эксплуатации народного труда, на праве семейном, на божественном авторитете и на государственном праве; и *Партия Социальной Революции* стремящаяся неуклонно к конечному разрушению всего этого дряхлого, многогрешного, преступного мира, дабы на развалинах его воссоздать только беззлотный а потому и безгрешный мир, основанный на общем труде равно для всех обязательном, на вольном человеческом праве и на человеческой, наукой озаренной, правде.

И так, мы, не запинаясь, включаем во враждебную нам партию реакции не только от внешних реакционеров и иезуитов, но также и либеральных конституционалистов и

даже радикальную партию исключительно политических
Республиканцев.

8. Классовая борьба ведет к могуществу пролетариата. Опыт английского рабочего движения

– кооператоры, социалисты школы Прудона, и даже немногие коммунисты в нем участвовали. – Коммунисты, разумеется, старой, более утопической, чем научно-опытной и практически-жизненной школы – все эти представители социальных теорий, выработанных вне жизни народа, отнеслись к предложению английских делегатов с полупрезрением; они и приняли его как бы не хотя для того только, чтоб не оскорбить Англичан. Оно показалось им узким выражением узкой и недальновидной практики английского рабочего движения, стремящегося только к незначительному и чересчур скромному облегчению участи пролетариата, а не к всецелому освобождению его.

Нет сомнения, что Англичане всех классов, несколько не исключая работников, особенно отличаются своей *теоретическою узкостью* (это их существенный национальный недостаток, определяющий их противоположность французам). Англичане равнодушны к общим теориям, а отвлеченные логические выводы производят на них весьма слабое впечатление. Но за то они понимают лучше других логику насущных фактов и все настоящие условия предпринятого ими дела. Они узнают эти условия не прежде дела, по указанию какой-нибудь теории, но на самом опыте, по мере того как дело продвигается вперед и движением своим сталкивает их с препятствиями, без уничтожения которых продолжение его становится невозможным. Англичанин не верит в эту невозможность, и даже не знает о ней, пока он не встретится с ней лицом к лицу на самом опыте. Но раз убедившись таким образом в существовании препятствия, он не задумавшись ломает его, – английский работник поэтому самый последовательный и беспощадный революционер, *сам того не желая и даже не зная*. Он и теперь еще далеко не знает всех результатов, до которых его доведет неотразимая логика его *практических скромных требований*.

2. Мирные кооперативные социалисты

¹¹Обращаемся теперь к *Социалистам*, которые разделяются также на три существенно различные партии. Прежде всего мы разделим их на две главные категории: На *Партию Социалистов мирных или буржуазных* и на *Партию Социалистов Революционеров*. Эта последняя партия подразделяется в свою очередь на *Социально-революционных государственников* и на *Социально-революционных анархистов*, врагов всякого государства и государственности.

5-ая партия, *партия мирных, буржуазных Социалистов*, или политически-социальных иезуитов, по всему существу своему принадлежит сполна к партии реакции. Она составлена из людей, принадлежащих к разным политическим категориям и кокетничающих с социализмом, только в видах усиления своей собственной политической партии. Есть консерваторы-социалисты, социалисты-попы, либеральные и радикальные социалисты. Все признали Социализм за грозную, восходящую силу и каждый тянет его на свою сторону, дабы в нем обновить свою дряхлую жизнь и восстановить с его помощью свои умирающие силы. В толпе этих злостных эксплуататоров Социализма, попадаются иногда и люди искренние, благодушные, действительно желающие улучшения участи пролетариата, но не имеющие достаточно энергии в уме, а также и в воле, чтобы поставить перед собой социальный вопрос, во всей его грозной истине, чтобы признать абсолютную несовместимость прошедшего с будущим, или даже сегодняшнего дня с завтрашним днем, и тратящие всю свою жизнь на тщетные, пустые усилия для того, чтоб примирить непримиримое. – Они, как все половинчатые и добродушные люди, желали бы устроить общество так, чтоб и волки были сыты, да и овечки по возможности целы. – Они искренни, правда, но самая искренность их приносит огромный

¹¹ В оригинале этот и предыдущий абзац не разделены.

опытом работников во всех странах мира, – должны были наконец слиться в одной общей программе, выражающей уже не отвлеченные теории, а насущные требования и последнюю цель рабочего мира.

Первое и можно сказать преобладавшее направление на Женевском Конгрессе было *буржуазно-кооперативное* с примесью узкого *буржуазного радикализма*, представителями которого главным образом были, разумеется, женевские республиканцы.

В 1866 году еще многие верили в возможность успехов кооперативной системы даже при настоящем устройстве общества. Не только Швейцарцы, Немцы и Французы, но даже и Англичане ожидали чудес от этой системы, в которой они видели главное и чуть ли не единственное средство к окончательному освобождению работника из-под власти капитала. Опыт не успел еще доказать им в 1866 году абсолютную невозможность не только полного освобождения, но даже серьезного облегчения участи работников, пока не будут разрушены до конца государственно-экономические условия общественного неравенства.

Второе направление гораздо более практическое, гораздо более соответствовавшее самой цели Интернациональной ассоциации, было представлено Англичанами. Они требовали *организации практической, то есть деятельной солидарности работников всех стран* в ежедневной борьбе труда против капитала, борьбе, проявляющейся в рабочих стачках и имеющей целью или увеличение заработной платы или уменьшение часов работы. – Это предложение, несмотря на свою всеобъемлющую и прямо к цели ведущую практичность, не встретило большой симпатии на Женевском Конгрессе. Буржуазные социалисты,

прусской войны, помешавшей дальнейшему солидарному обсуждению различных теорий.

гии: дворянской, буржуазной и даже рабочей, могут быть названы аристократами только в самом буквальном или первоначальном смысле этого слова, в смысле *лучших людей*. И в самом деле, они лучшие люди, не только в классе рабочем, но в целом обществе. Они соединяют в себе, в своем понимании социального вопроса, все преимущества свободной и самостоятельной мысли и сознания научного со всей искренностью самого народного инстинкта. Им бы не стоило ничего возвыситься над своим собственным классом, сделаться членами касты буржуазной; из партии темной массы эксплуатируемого и поработанного народа перейти в ряды счастливых господ эксплуататоров. Они не хотят, они проникнуты солидарной страстью и не понимают свободы и счастья иначе, как вместе со всеми миллионами поработанных человеческих братий. Такие люди, естественным образом и сами того не ища, пользуются огромным обаятельным влиянием на массы работников. Присоедините к этому разряду работников, разряд деятелей из буржуазного класса, вполне оторвавшихся от него и всецело отдавшихся великому делу освобождения пролетариата, и вы получите то, что мы называем *полезной и благодетельной аристократией* в интернациональном рабочем движении.

Обе аристократии встретились на первом Интернациональном Конгрессе работников в Женеве, в Сентябре 1866 года. На этом Конгрессе обнаружили четыре главные направления, – которые должны были непременно столкнуться и которые своей трехлетней борьбой, – от Сентября 1866 до Сентября 1869 года³⁹, – борьбой беспрестанно вновь проверяемой и исправляемой тяжелым ежедневным

³⁹ После 1869 года, то есть на Базельском Конгрессе и после, началась борьба уже в самом лагере «революционной аристократии» – между бакунистами и марксистами. По иронии судьбы, эта борьба происходила во время великого европейского потрясения – Франко-

вред, прикрывая неискренность злостных эксплуататоров Социализма.

Мирные социалисты всех цветов сходятся на одном самом существенном пункте, определяющем самым ощутительным образом их реакционное направление, и обрекающем самых искренних между ними на раннее или позднее соединение с партией сознательной реакции, если они не предпочтут присоединиться вовремя к партии революционного Социализма.

В то время, как революционные социалисты, убежденные в невозможности освобождения пролетариата при настоящих условиях экономического устройства общества, требуют *ликвидации социальной*¹² и главным образом упразднения личной, наследственной собственности, *мирные социалисты хотят напротив сохранить все главные и существенные основы настоящего экономического порядка*, и утверждают, что даже в этом порядке и при этих условиях, необходимых для успехов цивилизации, рабочий люд

¹² «Социальная ликвидация» или «Общественная ликвидация» – термин, использовавшийся Прудонем и прудонистами. Социально-революционные анархисты так оценивали его: «мало того, это (общественная ликвидация) не только не революционная формула, это формула консервативная. Действительно, термин этот, заимствованный из конторского языка, который Прудон очень любил, обозначает просто акт, которым точно определяется, с соблюдением всех интересов, актив и пассив каждого из членов общества; таким образом он необходимо подразумевает сохранение *приобретённых* прав и даёт нам вместо революционной расправы легальную юридическую процедуру, результат которой есть не коренное разрушение всего существующего и основание нового общества, а такой порядок вещей, где более или менее идеальная справедливость воздаст каждому своё, соглашая все различные интересы и равно уважая, как притязания капиталиста, так и требования пролетария» – из книги «Анархия по Прудону». Бакунисты первоначально наполняли этот термин социально-революционным значением, но впоследствии, видимо, отказались полностью от его использования.

может освободиться и улучшить существенным образом свое материальное положение, единой, чудодейственной силой *свободной ассоциации*.

Они указывают поэтому рабочему миру на образование *обществ для взаимной помощи, рабочих банков и кооперативных артелей, потребительских и производственных*, как на единственное средство спасения, и вместе с тем умоляют его не верить революционным утопистам, сулящим ему *невозможное равенство* и влекущим его, сознательно или бессознательно, к конечному разорению и гибели.

Двадцатилетний опыт, опыт единственный в самых широких размерах, в Англии, в Германии, во Франции доказал окончательно, что кооперативная система, заключающая в себе, несомненно, зародыш будущего экономического устройства, в настоящее время и при настоящих условиях не может освободить, ни даже улучшить существенным образом положение рабочего люда. Известная ассоциация Рочдейльских¹³ работников в Англии, наделавшая столько шума и возбудившая столько попыток подражания в других странах, кончилась тем, что создала новую, коллективную буржуазию, преспокойным образом эксплуатирующую массу не принадлежащих к ней работников.

Практический смысл английских работников угадал невозможность широкого, общенародного применения кооперативной системы при настоящем преобладании буржуазного капитала в процессе производства и распределения богатств, и наученные опытом массы передовых и самых энергичных работников, входят ныне в так называемые ремесленные союзы (Trades-Unions)¹⁴, созданные не для окончательной организации труда, ныне еще невоз-

¹³ Рочдейл (Rochdale) – город в Великобритании, в графстве Ланкашир.

¹⁴ Название профсоюзов в Великобритании и ряде других англоязычных стран.

буржуазными страстями, буржуазным чванством и буржуазными предрассудками. К счастью, они составляют в массе рабочих только весьма незначительное меньшинство. Но там, где они преобладают, Интернациональная пропаганда продвигается очень медленно и нередко принимает явно антисоциальное³⁸, чисто буржуазное направление. – В этой среде особенно преобладает стремление к исключительно-личному счастью, стремление к личному, то есть совершенно буржуазному возвышению, а не к коллективно-рабочему освобождению и счастью.

В этой среде заработная плата несравненно выше: а вместе с тем работа умнее, легче, чище, *благороднее*, чем в первых двух категориях, поэтому у работников более довольства, более грошевой образованности, самоуверенности и тщеславия. Они становятся социалистами только во времена торгового кризиса, когда падение заработной платы напоминает им, что они не буржуа, а поденщики.

Понятно, что в течении последних десяти лет, когда мирная, кооперативная система находилась еще в полном цвету своих грёз и несбывшихся ожиданий – буржуазный социализм нашел свою главную почву не в фабричном, а в ремесленном мире, и преимущественно в двух последних категориях этого мира, – наиболее привилегированных и наиболее близких к буржуазному миру. Повсеместная неудача кооперативной системы была благодетельным уроком для *вредной рабочей аристократии*.

Но в многомиллионной массе рабочих существует *аристократия* другая, в высшей степени полезная и благодетельная: аристократия не положения, а убеждения, революционного сознания и разумной, энергичной страсти и воли. Работники, принадлежащие к этому разряду, отъявленные враги всякой аристократии и всякой привиле-

³⁸ Возможно, тут имелось ввиду «антисоциалистическое».

в буржуазном смысле этого слова – обнимает все черные или грубые ремесла, кузнечество например, требующие применения значительной физической силы. Работники, принадлежащие к этой категории, по целому характеру своего направления и своих убеждений, стоят ближе всех других к фабричным работникам. В среде их хранятся и развиваются драгоценные революционные инстинкты и нередко встречаются люди способные обнять во всей их широте и последовательности все мировые условия освобождения работников. Есть средняя категория, заключающая в себе столяров, типографщиков, портных, сапожников и много других подобных ремесел, требующих уже некоторую долю образованности и специального знания, или по крайней мере, меньшей траты физической силы, и оставляющих поэтому больше времени на размышление. В этой среде довольства сравнительно больше, а потому и больше буржуазного самодовольствия. Революционные инстинкты в ней уже гораздо слабее, чем в первой, совершенно чернорабочей категории. Но за то встречается в ней уже гораздо большее количество людей, размышляющих и рассуждающих, иногда вкравь и вкось, больше людей сознательно убежденных, но, вместе с тем, и больше резонеров³⁷, становящихся от праздного многоглагольствования неспособными к горячему делу, а иногда даже, под влиянием тщеславия и личных расчетов, и противными ему.

Наконец есть третья категория ремесел, производящих предметы роскоши и потому связанных самым своим интересом с существованием и с сохранением богатого буржуазного мира. – Большинство работников, принадлежащих к этой среде уже не на половину, а на три четверти и, пожалуй, более чем на три четверти проникнуты

³⁷ Рассуждателей.

можной, а для организации борьбы труда против буржуазного капитала, мира чернорабочего против белоручного, льготного мира.

В Германии считается ныне около 5.000 рабочих артелей разного рода, основанных главным образом Шульце-Деличем¹⁵, Гиршем¹⁶, Дункером¹⁷ и другими последователями Шульца. И после многолетнего опыта, можно теперь сказать смело, что они решительно не произвели ничего. Положение рабочих в Германии ни на волос не улучшилось; напротив, – сообразно известному экономическому закону, по которому нищета рабочего мира увеличивается в той же мере в какой буржуазный капитал умножается и сосредоточивается в меньшем количестве рук, положе-

¹⁵ Шульце-Делич (1808-1883) – в 1848-1849 годах прусский депутат, примыкал к либеральной группировке – «левому центру». С 1848 года развернул среди рабочих и ремесленников кампанию за создание кооперативов и ссудно-сберегательных касс. В 1861 году стал одним из ее лидеров прогрессистской партии. В 1862-1866 годах являлся непримиримым противником Отто фон Бисмарка, а после побед 1866 года боролся в ландтаге против индемнитета, в рейхстаге – против северно-германской конституции 1867 года, как недостаточно гарантирующей народные права. Последовательно выступал против лассальянского плана создания с помощью государства производительных ассоциаций.

¹⁶ Макс Гирш (1832-1905) изучив положение рабочих в Великобритании, вернувшись в Германию в конце 1860-х годов, положил начало «Deutsche (Hirsch-Dunkersche) Gewerkvereine» («Немецких (гирш-дункерских) профсоюзов»), которые, в противовес идеям социал-демократии, основаны на гармонии интересов рабочих и предпринимателей.

¹⁷ Франц Дункер (1822-1888) – публицист, основатель «Volkszeitung», одной из влиятельных органов демократической партии. Участвовал в политическом движении 1848 года, был одним из основателей немецкого национального общества (1859), членом прусской палаты, северо-германского и германского рейхстага. Сподвижник М. Гирша.

ние рабочих в Германии, да и во всех других Европейских странах, значительным образом ухудшилось.

В настоящее время, большинство германских рабочих, обратившись спиной к Шульц-Деличевским и Макс Гиршевским мирно-кооперативным заведениям, записываются массами в боевые организации, или старой Лассальянской¹⁸, или новой социал-демократической ассоциации.

Во Франции, кооперативная система потерпела совершенное кораблекрушение. – В нескольких городах существуют еще кое-какие ассоциации для потребления или даже для производства, но они еле-еле сводят концы с концами и потеряли в настоящее время всякое значение и всякую веру в себя. За то во Франции считается более 6.000 *обществ взаимной помощи и предохранения* на случай болезни и старости. Число членов во всех около 1.200.000; но между ними около 187.000 почетных членов, то есть людей, входящих в эти ассоциации, без всякой собственной нужды, а для того, чтобы управлять ими или в видах своей партии, или в видах правительства. Из 6.098 таких обществ, 4.272 основаны и¹⁹ поддерживаются правительством, которое взамен на эту помощь получило право назначать президентов. Замечательно что в правительственных ассоциациях на 785.852 рабочих членов, считается 176.146 членов почетных; то есть на каждые 9 работников, 2 почетных члена: префект, подпрефект, мэры, мировые судьи

¹⁸ Лассаль (Lassale) Фердинанд (1825-1864) – немецкий философ, юрист, экономист и политический деятель, один из основоположников европейского социализма. Работал над объединением германских рабочих в профсоюзы, стал в 1861 году президентом Всеобщего Германского союза. Был республиканцем и противником федеративного начала.

¹⁹ Текст дальше сверен по фрагменту рукописи, хранящейся в РГА-ЛИ (Москва).

³⁶ Во всех странах между многомиллионной массой чернорабочих людей есть слой работников более развитых, более грамотных и составляющих поэтому самому, в среде рабочего люда, род аристократии. Эта рабочая аристократия разделяется на две категории, из которых одна чрезвычайно полезна, другая чрезвычайно вредна.

Начнем с вредной. Она состоит преимущественно и почти исключительно не из фабричных работников, а из ремесленников. Известно, что положение ремесленников в Европе, хотя и весьма незавидно, все-таки несравненно лучше положения фабричных работников. Ремесленники эксплуатируемы не большими, а маленькими капиталами, которые далеко не имеют той силы утеснения и унижения работников, которую проявляют в промышленном мире огромные фабричные капиталы. Ремесленный мир, мир рукодельной, а не машинной работы – остаток средневекового экономического устройства. Он затирается все более и более под неотвратимым и неотразимым напором огромного капиталистического фабричного производства, стремящегося естественным образом овладеть всеми отраслями промышленности. Но там, где он еще существует, работникам живется лучше; отношения между не слишком богатыми хозяевами, которые большей частью сами вышли из рабочего класса и их работниками ближе, проще, *патриархальнее*, чем в мире фабричном. Между ремесленниками поэтому множество полу-буржуа, по всем привычкам, убеждениям и предубеждениям своим, надеющихся и стремящихся, сознательно или бессознательно, сделаться буржуа совершенными.

Но сами ремесла разделяются на две или даже на три категории. Самая многочисленная и наименее аристократическая, то есть наименее счастливая из них – разумеется

³⁶ В оригинале этот абзац с предыдущим не разделен.

7. Рабочая аристократия, за буржуазный социализм, и Революционная, за классовую борьбу

и разные частные и, разумеется, богатые и влиятельные особы, преданные правительству Наполеона III.

Таково было положение рабочего люда во Франции еще год тому назад. Теперь все изменилось. Вызванный самой силой вещей, новый революционный дух попал на французский пролетариат, и он воскрес, почуяв в себе опять и прежнюю веру и прежнюю разрушительную силу. О кооперации как о средстве спасения никто более не думает, никто в нее не верит, и все существующие рабочие ассоциации на целой поверхности Франции, преобразуются ныне и связываются между собой в огромный федеративный союз для революционной борьбы труда против капитала.

Упомянем еще Италию и Испанию. В Италии, также не более года тому назад, не было можно сказать ни одного истинно социалистического рабочего общества. В средней и южной Италии, равно как и в Пьемонте, большинство работников составляло общества для взаимного вспомоществования и предохранения, устроенные наподобие казенных французских с таким же преобладанием правительства и прямым вмешательством всевозможных властей от префекта до полицейских. В Ломбардии и в Генуе существует еще несколько кооперативных артелей устроенных Либералами; но большинство рабочих обществ в этих двух областях повинуются исключительно национальному и политическому руководству Мадзини, преследующего ныне как и тому назад сорок лет, с постоянством обратившимся в настоящее время в пагубное упорство, всё ту же старую цель: Восстановление единой, сильной государственно-централизованной Италии, с Римом, столицей мира, и тратящего тщетно последние усилия своей некогда могучей воли, для того чтобы воскреснуть и поднять одряблевшую Итальянскую буржуазию, во имя Бога и Народа. –

Впрочем, нужно заметить, что два или три года тому назад, Мадзини, а за ним и Ледрю-Роллен дали наконец

свое благословение Кооперативной системе. До 1867-го года они отвергали с негодованием, они проклинали социальный вопрос; с высоты своего метафизического, юридического и политического Идеала, они отзывались с невыразимым презрением о всех этих недостойных попытках чернорабочего люда улучшать свое материальное положение и призывали его к высокому служению абстрактного величия республиканского Государства. Но ход событий и сила вещей сломали наконец и их величественно упорную волю. Для того чтобы не утратить последнее влияние на народные массы, они должны были преклонить свои гордые головы перед восходящим и всепоглощающим могуществом Социально-экономического движения. Они объявили себя наконец Социалистами. Но какими? Социалистами буржуазной кооперативной системы. По какому-то роковому несчастью, поражающему, впрочем, всегда только тех, которые удалившись от насущной действительности, потеряли способность понимать ее движение, Мадзини и Ледрю-Роллен объявили себя приверженцами кооперативного Социализма, именно в то время, когда все живые люди, и главное, когда рабочие массы, отчаявшись в нем, стали видимо принимать другое, более решительное направление.

В настоящее время, Интернациональная ассоциация рабочих, едва успевшая основать, год тому назад, в Неаполе, свою первую секцию, начинает уже распространяться по целой Италии и никакие противодействия правительства, Либералов и радикалов не в силах остановить ее неотразимо-поступательного движения. Ну а программа Интернационального общества всем известна.

В Испании происходит тоже что и в Италии, только еще энергичнее и быстрее. Последняя революция открыла глаза Испанским работникам. Горький, вчерашний опыт доказал им что они не должны рассчитывать на политических

Интернациональной солидарностью, то есть организацией и строго дисциплинированным, по всюду одинаковым действием Интернациональной ассоциации работников.

Не трудно было объяснить работникам эти простые истины, к тому же столь близкие, столь непосредственно связанные с их ежедневной бедой. –

ственным образом определяется стоимостью предметов необходимых для скудной жизни работника. – Но это предел, к которому заработная плата постоянно приближается, иногда падая даже ниже его, но не на долго; иногда же возвышаясь над ним, но никогда слишком много. Когда заработная плата падает ниже предела, происходит нужда, голод, болезни, смерть; когда же она возвышается над пределом, происходит кратковременное и, разумеется, только относительное довольство, которое имеет неперменным последствием увеличение числа охотников заняться выгодной работой, а, следовательно, и необходимое понижение заработной платы.

Периодические изменения заработной платы определяются, как известно, запросом производимого товара и конкуренцией производителей его, заставляющей каждого понижать на него цены до последней возможности. Известно, что цена товара определяется главным образом заработной платой, так что все производители-фабриканты должны стараться платить как можно меньше своим работникам именно для того, чтобы быть в состоянии, с выгодой для себя, предложить свой товар за самую дешевую цену. Но фабрикант, который, благодаря скудной плате, получаемой его работником, продает свой товар дешевле других, заставляет тем самым и других фабрикантов продавать также и их товар за ту же самую цену – заставляет их понизить заработную плату. Поэтому понижение заработной платы в одной стране имеет неперменным последствием понижение ее и во всех других странах – из чего ясно следует, что работники, получающие самую низшую заработную плату должны желать и стремиться к тому, чтобы работники всех других стран и местностей получали и требовали для себя одинаково высшей платы за каждый час работы и равномерного уменьшения часов работы. Но это не может быть достигнуто иначе как

республиканцев, централистов или даже федералистов²⁰. В Испании, и преимущественно в Каталонии и в Андалусии, существовало еще до революции, несколько кооперативных обществ, основанных буржуазными демократами и Социалистами из Школы Гарридо²¹ и Пи-и-Маргаль²² – Все это топится теперь в широких волнах Интернационально-Социалистической пропаганды. Испания готовится к революции Социальной.

И так мирный, буржуазный кооперативный социализм везде осужден, везде уничтожен. Опыт доказал его неосуществимость. Еще прежде, теория доказала его невозможность.

Серьезные экономисты двух противоположных школ: школы либеральной и школы научных коммунистов, разнящихся между собой во всех других пунктах, а соглашаясь только в одном, высказали уже давно одинаковое убеждение, основанное на действительной науке, то есть на самом строгом изучении движения, развития экономических фактов, – убеждение, что при настоящей организации общественной экономии и производства товаров, и при необходимо вытекающим из нее умножении, преобладании и сосредоточении Капитала, никакие усилия рабочих ассоциаций не в силах освободить труд из-под гнета последнего; что рабочие банки питающиеся только скудными

²⁰ Сторонники федерализации Испании и больших прав кантонам. Во многом сходны с идеями Прудона.

²¹ Гарридо-и-Тортоса Фернандо (1821-1883) – фурьерист, сторонник мирного построения нового общества (в том числе федеративной республики) через потребительскую и кредитную кооперацию и реформы. Будучи депутатом, выступал (1871) против запрета Интернационала.

²² Пи-и-Маргаль (1824-1901) – бывший демократ, затем прудонистом. В феврале 1873 года назначен министром внутренних дел, а в июне стал президентом. Не желая прибегать к вооруженному подавлению восстаний, 18 июля 1873 года подал в отставку.

ми сборами и большей частью просто невозможными сбережениями рабочего люда, никогда не будут в состоянии выдержать конкуренции могучих, всесветных, буржуазно-олигархических банков; что при постоянном умножении рабочих рук и голодных желудков, умножении развивающемся еще быстрее вследствие сосредоточения Капиталов все в меньшем и меньшем количестве рук, и неизбежно вытекающего из него обращения в пролетариат низшего и даже часто среднего буржуазного класса, – работники, для того чтоб избежать голодной смерти, должны непременно все более и более составлять конкуренцию друг другу, конкуренцию донельзя, то есть до самой низшей степени стоимости человеческого содержания и пропитания; и что, поэтому, все рабочие общества для потребления, уменьшая цену главных предметов, необходимых для жизни, должны иметь непременно последствием понижение рабочей платы, то есть ухудшение положения работников. Что наконец, общества для производства возможны только в тех отраслях промышленности, которые еще не захвачены большим Капиталом, потому что никакое рабочее общество не в силах конкурировать с ним в деловом производстве товаров. А так большой Капитал по присущей в нем необходимости, стремится непременно образом к прибранию всех отраслей промышленности, без единого исключения, в свои руки, судьба производственных артелей будет та же, что и судьба маленькой и средней буржуазии – общее, неотвратимое нищенство, рабское подчинение буржуазно-олигархическому Капиталу и поглощение всякой средней и маленькой собственности в большую собственность нескольких сотен счастливых людей в целой Европе.

Соединяясь в признании этого неопровержимого факта, Экономисты и Коммунисты разнятся только и самым существенным образом в своих заключениях.

должны искать не облегчения, а *всецелостного освобождения* из-под ига капитала.

Необходимость *Интернациональной Солидарности*, доказывается работникам, помимо всех научных выводов и доводов ежедневными фактами их собственной жизни.

Что делали фабриканты при каждой новой стачке рабочих, имевшей целью или увеличение заработной платы или уменьшение часов работы? Они вызывали новых работников из стран, где чернорабочий народ, еще более задавленный, привык за меньшую плату работать больше. Что делать в таком случае работникам, прекратившим работу? Гнать новоприбывших работников, никому не позволять работать? Работники не редко прибегали и прибегают к этому средству, в высшей степени, (в человеческом, – а не в юридическом и не в политическом смысле этого слова), *законному*. Но редко удается оно: правительства, под предлогом защиты *свободы работы*, (то есть свободы для фабрикантов эксплуатировать бессовестно и безнаказанно работу бедных людей), всегда берут сторону фабрикантов, и вооруженные всей громадной государственной силой, с которой никакая местная организация работников бороться не в состоянии, оказывают свое покровительство вновь прибывшим работникам, и тем самым заставляют других возвратиться к покинутой ими работе.

Поэтому остается только одно средство: распространить рабочую пропаганду и солидарность так широко и так далеко, чтобы фабрикантам неоткуда было брать новых работников, и чтобы никакие иностранные работники не соглашались более брать на себя работу, оставленную работниками местными; то есть надо основать Интернациональную солидарность, Интернациональное общество.

Выше было сказано нами, что при настоящем экономическом устройстве, вследствие постоянного умножения рабочих рук и голодных желудков, заработная плата суще-

ствах состоявших почти исключительно не из швейцарских граждан, а из французских и немецких работников, встретились представители всех этих школ кроме Оуэновской. Правда, что большая часть коммунистических обществ была разбита реакционной бурей, поднявшейся везде за побежденной революцией 1848 года. – Десятки тысяч французских социалистов, как их называли в то время, были сосланы в Алжир и в Кайенну³⁴. Английские социалисты Чартисты³⁵ и Оуэнисты, равно, как и Германские коммунисты, бежали от преследований и от голода, эмигрировали массами в Соединенные Штаты Америки, куда перенесли свою горячую и плодоносную пропаганду. Но все-таки в Европе осталось достаточно представителей старых социальных школ, чтобы помочь Интернациональному делу. Эти оставшиеся сделались пионерами, апостолами и главными основателями и распространителями Интернационального общества в целой Европе.

С такой готовой почвой и с такими славными работниками для ее оплодотворения, дело Интернациональной пропаганды пошло быстро. Ей оставалось объяснить работникам вышеупомянутых стран, одинаково жаждавшим и уже сознательно искавшим освобождения, во-первых: что для достижения их цели мало местной, мало даже национальной ассоциации, и что необходима *Солидарность Интернациональная*; а во-вторых: что для достижения хоть малейшего, действительного облегчения своей участи, они

³⁴ Столица небольшой колония Франции, Французской Гвианы, в Южной Америке между Бразилией и Суринамом. Алжир тогда был колонией Франции.

³⁵ Сторонники социально-политического движения в Англии в 1830-1840 годах, получившее имя от поданной в 1839 году парламенту петиции, называвшейся народной хартией. Чартисты надеялись, что реформированный, согласно их желаниям, парламент сумеет найти верные средства для устранения социальных бед, против которых они протестовали.

Экономисты пришли к заключению такому, что народные массы, миллионы чернорабочего люда обречены *Законом естественным и необратимым* на вечное нищенство, невежество, рабство, и что только самому малому количеству работников может быть одному из десяти тысяч, позволено надеяться, силой гения, чрезвычайно энергичного характера, и с помощью счастливых обстоятельств, вынырнуть из многомиллионной массы эксплуатируемых рабов и занять место в малочисленном обществе эксплуатирующих господ. – Миллионам же несчастных людей, обреченных железным законом природы на жизнь, мало отличающуюся от существования скотов, они в виде утешения предлагают надежду на Бога и на загробную жизнь, в которую сами не верят.

Коммунисты, также как и Экономисты, признают вполне существующий факт; соглашаются с Экономистами также и в том, что пока будет существовать настоящий общественный порядок, основанный главным образом на личной собственности, никакая сила и никакие усилия не будут в состоянии изменить этого факта. Но вместе с тем, они отнюдь не признают *железного естественного* закона открытого и проповедуемого Экономистами, или признают его, пожалуй, для прошедшего, но отнюдь не для будущего даже не для настоящего времени. Они знают, что человеческий род в историческом развитии своем отправившись от скотов стремится неуклонно к осуществлению человечности на земле. Что прежде люди жрали друг друга как звери; потом кто был по умнее и по сильнее стал употреблять других как рабов; рабы превратились потом в крепостных, а крепостные в вольно рабочих рабов; – и что наконец ныне, самой историей поставлена нам огромная и святая задача обращения миллионов чернорабочих людей, в общество человеческое, свободное и равноправное. Но так как это последнее преобразование

при настоящем экономическом и политическом порядке действительно невозможно, они заключают что надо сломать, уничтожить этот порядок и заменить его новым, в котором свободная равноправность людей будет не только возможна, но даже необходима.

Какую же роль играют буржуазные Социалисты между этими двумя партиями равно серьезными и последовательными? Роль надувателей или дураков, и часто и тех и других вместе. Вот почему эта средняя партия, если можно еще назвать ее такой, утратила всякое значение, так что о ее отношении к нынешнему русскому движению и говорить даже не стоит. – К совершенному уничтожению ее наиболее способствовала *Интернациональная Ассоциация Рабочих*.

– школы Оуэна³⁰; во Франции и Бельгии – школы Буонарроти³¹ и Кабе³²; в Германии – школы Маркса, Энгельса, Филиппа Беккера³³, и наконец в Швейцарии – в обще-

³⁰ Роберт Оуэн (1771-1858) – английский капиталист и социалист-утопист. Под влиянием экономического кризиса предложил план расселения безработных в «поселках общности и сотрудничества». Однако лишь к 1825 году сумел создать экспериментальную общину, а вслед за ней и другие коммуны в Великобритании. За год до этого отправился в Америку и основал в Уобаше (Индиана) трудовую коммуну, назвав ее «Новая гармония». Будущее общество представлял в виде свободной федерации небольших социалистических самоуправляющихся общин, основанных на общем владении собственностью и труде. Из-за трудностей в 1828 году она распалась. После этого Оуэн создавал «внутренние колонии», крупнейшей из которых была «Гармония-Холл» (1839-1845). Его активная деятельность помогла консолидации кооперативного движения в Великобритании и способствовала введению более гуманного трудового законодательства.

³¹ Филиппо Буонарроти (1761-1837) – коммунист-утопист, пропагандист и соратник Бабефа. Издал книгу «Заговор во имя равенств, или так называемый заговор Бабёфа», сильно повлиявшая на распространение коммунистических идей. В процессе подготовки революции Буонарроти придавала решающее значение созданию нелегальной, строго законспирированной организации, построенной по иерархическому принципу; эти идеи получили широкое распространение среди бланкистов

³² Этьенн Кабе (Cabet) (1788-1856) – коммунист-утопист, писатель и публицист, карбонарий и участник революции 1830 года. Историк революции («Популярная история французской революции 1789-1830») и издатель журнала «Le Populaire» (1833). В романе «Путешествие в Икарию» (1840) изобразил коммунизм как ассоциацию, построенную на основе социального равенства, братства, единства и демократии в соответствии с принципом разума и требования природы. Из-за репрессий эмигрировал в Бельгию, затем в Англию (1834), где познакомился с Оуэном, при содействии которого получил в Техасе участок земли и организовал колонию икарийцев (1848).

³³ Иоганн Филипп Беккер (1809-1886) – деятельно международного немецкого рабочего движения. С 1830-х годов участвовал в революционном движении. После Весны Народов (1848-1849) – сторонник Маркса. Активный деятельно I Интернационала, один из организаторов его немецких секций в Швейцарии, редактор журнала «Der Vorbote».

Каким же образом Интернациональное общество достигло такого огромного, такого изумительного результата? Единственно путем практической пропаганды, сначала, *только во имя экономического освобождения работников*. Они нашли несомненную, неизменную и во всех странах одинаково твердую точку опоры для этой пропаганды, в естественном стремлении всех работников, без единого исключения, улучшить по возможности свою несчастную долю, и в столь же естественной ненависти каждого работника к своему хозяину, представляющему собой несносный деспотизм эксплуатирующего капитала. К тому же Интернациональное общество, в самом начале своего основания, нашло уже подготовленную почву.

В странах великопромышленных, а именно в Англии, во Франции, в Бельгии и в Германии, со времени введения усовершенствованных машин и применения паровой силы к промышленности, со времени основания огромного капиталистическо-фабричного производства, торговые кризисы сделались неизбежным, периодически повторяющимся и все более и более учащающимся явлением. Там, где наиболее процветала промышленность, работникам стала угрожать периодически голодная смерть. Это породило самым естественным образом рабочие кризисы, рабочее движение, рабочие стачки, сначала в Англии (в двадцатых годах), потом во Франции (в тридцатых годах), и наконец в Германии и в Бельгии (в сороковых годах).

Общая беда и общие причины беды создали в этих странах могучие ассоциации, сначала только местные, для взаимной помощи, для взаимной защиты, для общей борьбы. В год основания Интернационального общества, Англия, Франция, Германия и Бельгия были уже совершенно покрыты подобными ассоциациями. Кроме того, Интернациональное общество нашло драгоценных помощников в остатках старых коммунистических обществ: в Англии

3. Начало и Программа Интернационала

Интернациональное общество не составляет собственно партии. Оно больше, чем партия, оно – целый мир – мир будущего человечества.

Ничто не могло быть проще и, по наружному виду, скромнее его начала. В Сентябре 1864-го года, собрался в Лондоне митинг Английских, Французских и Немецких работников для того, чтобы протестовать против возмутительных действий русского Императора в Польше. По окончании протеста, несколько граждан, и между ними в особенности знаменитый германский Коммунист Карл Маркс, один из главнейших основателей этого Общества, предложили на обсуждение митинга свою давнишнюю мысль: Основание огромной Интернациональной ассоциации для защиты прав труда против Капитала. Мысль была принята с единодушным восторгом. Митинг избрал комиссию для составления программы нового общества.

Были предложены две программы: одна знаменитого Мадзини; другая Марксом.

Мадзини представил свою старую, всем известную программу: *Бог и народ*, Интернациональная политическая революция, в виду низвержения всех монархических правительств и основания федерации Европейских республик – Одним словом, та самая программа, которую он преследует и ныне. Что же касается до вопроса Социального, то Мадзини, верный своему началу, оттеснил его разумеется на задний план: *улучшение* материального быта рабочих масс должно было быть естественным последствием политического переворота, Установления республики, широкого народного воспитания и демократических Законов.

Программа Маркса напротив ни слова не говорит ни о Боге, ни о революции, ни о республике. Бог совершенно исключен из нее. Там, где дело идет о реальном освобождении людей, там для Бога не может быть места. Республика хотя и не упоминается в этой программе за то вытекает

6. Причины успеха: практическая пропаганда, положение рабочих, штрейкбрехерство, законы рынка и необходимость Интернациональной солидарности

широкой пропаганды, приобретающей не тысячи а миллионы прозелитов²⁹, надо возвратиться к первым временам христианства!».».

²⁹ Прозелит (греч. «пришедший», «чужой», «новообращенный») – от «прозелитизм», то есть стремление обратить в свою веру.

как необходимость из каждой строчки, не в смысле положительной политической формы, а в смысле отрицания Монархического и вообще всякого сословного управления: и наконец, не заикаясь даже ни одним словом о революции, вся программа содержит в себе самую полную, и радикальную доселе невиданную и не слыханную социально-политическую революцию.

Вот начало этой программы:

1) Освобождение работников должно быть делом самих работников.

2) Все усилия работников должны быть устремлены не на создание новых привилегий, а на установление *для всех людей без исключения, одинаковых прав и одинаковых обязанностей.*

3) *Подчинение работника Капиталу есть источник всякого политического, нравственного и материального рабства.*

4) Все усилия работников оставались до сих пор бесплодными, только вследствие отсутствия солидарности между работниками всех стран.

5) Освобождение работников не есть дело местное или национальное, но существенно интернациональное.

Вот и все: Что может быть невиннее и проще? И между тем кто не видит, что эта простые, неотразимые истины, взятые вместе, заключают в себе полнейшее осуждение и неминуемое разрушение всего настоящего порядка: религиозного, политического, семейно-патриархального, юридического и Социально-экономического.

Программа Мадзини была отвергнута. Программа Маркса была принята; и на основании ее собрание делегатов английских, французских, Германских, Бельгийских и Швейцарских, сбежавшихся в Лондон в 1865-ом году,

основали окончательно Интернациональную Ассоциацию Работников²³. –

Вы видите, что в целой программе нет ни одного слова, касающегося политики – Поставлено правда целью уничтожение *всякого* рабства, то есть всякой политики, всякого Государства или, что все равно, всякого преобладания людей над людьми – Но и тени мнения о той или другой политической форме. Напротив, само существование и деятельность интернациональной ассоциации поставлены решительно и нарочно вне всех существовавших и существующих партий; на том основании, что все, по целому существу своему, опираясь одинаковым образом на праве собственности и на Государственном праве, в противоположность интересам труда и Чернорабочего люда, представляют только разные оттенки одной и той же буржуазно-эксплуататорской и реакционной партии.

Основатели этой громадной и благотельной ассоциации, справедливо убежденные в том, что экономическое рабство есть главный источник всех других форм порабощения народа, нашли то чего тщетно искал Архимед: точку опоры для поднятия и для низвержения всего исторического, религиозно- и государственно-привилегированного мира, – нашли ее в экономической борьбе, в экономическом бунте труда против капитала, человека против гражданина.

Отправляясь с этой точки зрения, основатели Интернационального Общества положили, что будут приниматься в него *преимущественно* но не исключительно работники и рабочие ассоциации всякого рода, не исключая разумеется хлебопашцев; все ассоциации местные и национальные которые изъявляют желание вступить в него, а также, но не иначе как индивидуально и люди всех других сословий, с

²³ Первый Интернационал.

«Остаются – говорит брошюра, из которой мы отчасти заимствовали эти данные²⁸, остаются еще не тронутыми Интернациональной пропагандой только четыре страны: Швеция, Греция, Турция и Россия, что касается до трех первых стран, нет сомнения, что она не замедлит проникнуть в них. В России же уже давно совершается громадная социальная пропаганда; впрочем, вся масса русского крестьянства имеет сама собой социальное направление».

Из всего сказанного следует ясно, что через год или два, Интернациональное общество будет считать, в Америке и в Европе, не два миллиона, а три, четыре, пять и более миллионов, совершенно преданных и организованных членов.

Могущество уже теперь истинно громадное, и создавшееся в продолжении только последних пяти лет. Сначала правительства, да и вся Европейская буржуазия относилась к Интернациональной ассоциации с презрением и насмешкой; потом находя ее неудобной, они стали ее преследовать всеми возможными средствами, надеясь ее запугать. Ныне они стали перед ней трепетать, убедившись, что ее ни победить, ни убить невозможно.

В доказательство приведем замечательное признание Лондонского журнала «Times», значительнейшего печатного представителя английской и можно сказать всесветной буржуазной олигархии:

«Мы признаемся, что мы долго смеялись над этой странной ассоциацией. И кто бы мог подумать, тому назад четыре года, что она будет призвана играть такую роль в мире, кто бы мог угадать ее будущее значение, ее быстрые и невероятные успехи? Чтобы найти в истории подобие такой громадной и грозной организации, такой могучей и

²⁸ Almanach de l'Internationale pour 1870. Liège, Alliance Typographique, rue sur Meuse, 8. (прим. авт.)

своей примерной организацией рабочие общества всех других стран.

В Италии, а преимущественно в Южной ее части, организация рабочих обществ, признающих себя членами Интернациональной ассоциации, продвигается быстро. Правительство, занятое преследованием политических ассоциаций, мало заботилось об успехах Интернационального общества, но в последнее время обратило также и против него свои поощрительные преследования, что дает право надеяться, что оно станет распространяться отныне еще быстрее. Не пройдет года и можно будет считать в Италии сто или двести тысяч членов Интернациональной ассоциации работников.

В Швейцарии считается не много более 10.000 членов этого общества. Это может показаться странным. Но надо принять в соображение, что Швейцария страна небольшая, в ней немного более 2.600.000 жителей, – и к тому же она буржуазная республика. Ничто не действует так развратительно на работников, как буржуазная политическая свобода. Большинство швейцарских работников гордится еще своими мнимыми гражданскими правами, не замечая и не понимая того, что все эти права сводятся на одно право: выбирать себе ежегодно из буржуазной среды новых законодателей и управителей, то есть новых господ-эксплуататоров. Однако и в Швейцарии Интернациональное общество продвигается, хотя и медленнее чем в других, менее свободных и не республиканских странах, но с заметным усилением и ускорением успеха.

Голландия только недавно вошла в Интернациональное движение. Значительные цифры пропаганды и организации ее образовались уже в Амстердаме, в Роттердаме и в Утрехте.

двумя только условиями, одинаково обязательными для всех членов: 1) *полнейшей солидарности всех в борьбе труда против капитала* и 2) безусловного признания того начала: *Что каждый работник имеет право и **должен** требовать интегрального или всецелого возмездия за свою работу*²⁴.

²⁴ То есть полного продукта своего труда, натурально или деньгами.

4. Привилегированные, вступающие в Интернационал

стороны правительств члены Интернациональной ассоциации, принцип ее и солидарность с ней признаны огромным большинством французских работников, в количестве уж никак не менее 800.000 людей (в одном Париже считается более 100.000 отлично организованных работников, проникнутых глубоко и сознательно социально-революционным духом).

В Германии и Австрии, Интернациональная ассоциация встречает те же самые правительственно-полицейские препятствия, что, однако, не помешало вновь образовавшемуся рабочему обществу социальных демократов, имеющему в Германии около 125.000, а в Австрии около 100.000 членов, признать на своем первом конгрессе (в Айзенахе, в Августе 1869 года) свою полнейшую солидарность с Интернациональным обществом.

В Испании – тоже самое, только с гораздо меньшими препятствиями со стороны правительства. Один *федеративный рабочий союз*²⁷, центр которого находится в Барселоне, состоит почти из 125.000 членов. В Мадриде, но преимущественно во всей южной Испании рабочие ассоциации растут и умножаются с неимоверной быстротой, и все признают себя членами Интернационального общества.

В маленькой Бельгии считается более 60.000 прямых членов этого общества. Бессмысленные и кровавые преследования бельгийского *либерального* правительства не только не могли остановить его истинно изумительного развития, но, напротив, усилили и ускорили его. Интернациональная ассоциация в Бельгии превосходит ныне

²⁷ Возможно, имеется ввиду Центральная Дирекция Рабочих Обществ Барселоны «*Dirección Central de las Sociedades Obreras de Barcelona*», так как до основания Региональной Федерации Испании («*Federación Regional Española*») остается еще несколько месяцев – июнь 1870.

Посмотрим, каких же достигло оно результатов? Интернациональная ассоциация работников существует всего только пять лет, и вокруг ее знамени собралось уже более *двух миллионов*, более или менее организованных людей, Европейцев и Американцев.

В одной Англии 800.000 работников великолепным образом организованных и распределенных между *ремесленными союзами*, вступили в нынешнем году в Интернациональную ассоциацию.

Национальный Трудовой Союз (National Labor Union)²⁶ в Соединенных Штатах Америки, считающий также 800.000 членов, в нынешнем же году объявил свою солидарность с Интернациональной ассоциацией.

Несмотря на все усилия Наполеона III и на все гонения, которым в течении последних лет подвергались со

²⁶ Политическое движение, которое с 1866 по 1873 год стремилось улучшить условия труда путем законодательных реформ, а не путем заключения коллективных договоров. Национальный Трудовой Союз возник в 1866 году на съезде в Балтиморе, штат Мэриленд, призванном объединить квалифицированных и неквалифицированных рабочих, фермеров и реформаторов в коалицию, которая окажет давление на Конгресс с целью принятия закона об ограничении рабочего дня до восьми часов. На съезде присутствовали 77 делегатов, и за время своего недолгого существования Союз, возможно, насчитывал до 500.000 членов, а не 800.000, как пишет Бакунин. Все дело в том, что Бакунин скорее всего повторяет за одним американским делегатом, сказавшем эти преувеличенные цифры на одном из съездов Первого Интернационала.

Исходя из убеждения, что у владельцев и рабочих одинаковые интересы, Союз выступала против забастовок. Для достижения своих целей Союз все больше полагался на политические действия и в 1872 году преобразовался в Национальную партию трудовых реформ (National Labor Reform Party). В качестве кандидата в президенты она выдвинула Дэвида Дэвиса из Иллинойса, помощника судьи Верховного суда США. Однако Дэвис снял свою кандидатуру, и партия показала низкие результаты на выборах. Проведя последний съезд в 1873 году, Национальный рабочий союз распался и исчез.

И так, вступающего в Интернациональное общество не спрашивают ни слова ни о его религиозных, ни о его политических убеждениях – Спрашивают только хочет ли он подчиняться *всем условиям* этой *солидарности*, и признает ли он, *со всеми возможными последствиями и применениями* его, это *право*. Если он отвечает утвердительно на оба вопроса, и, если прошедшая жизнь, его настоящее положение и характер таковы, что его слова честны и внушают доверие, двери Интернационально Общества открываются для него широко.

Иным, такая широта и легкость приёма могут показаться неосторожными. Кажется невозможным чтобы христианин, сулящий измученному работнику божественное возмездие в жизни загробной, мог бы искренно хлопотать о возмездии земном, или чтобы человек, принадлежащий к какой бы то либо политической партии, сознательно или бессознательно, но непременно стремящейся к тому чтобы руками народными вынуть из огня каштаны, не для народа, а для себя, чтобы он мог хотеть всецелого освобождения чернорабочего люда. И в самом деле оно невозможно; христианство, да и вообще какая бы то ни было религия, какое бы то ни было отношение к мечтам божественным и загробным, также как и всякое другое политическое стремление, кроме единого стремления к разрушению Государства и Государствования на земле, решительно не совместимы со стремлением к всецелостному освобождению рабочих масс. Но дело в том, что, вследствие общей неразвитости и отсутствия ясного, полного научного сознания, в огромнейшем большинстве ныне живущих людей, эти два существенно противоположные и друг друга исключаящие стремления, без всякого злого обмана с их стороны, существуют вместе.

Тут надо непременно сделать различие между людьми, принадлежащими к образованному и привилегированно-

му миру, и между людьми, принадлежащими к чернорабочей массе. Первые большей частью прикованы к лжи религиозной, метафизической, политической, юридической и социально-экономической, прежде всего, *своими интересами*; а потом всем своим воспитанием, предрассудками своей среды, существующей только благодаря эксплуатации народного труда, и наконец самим образованием, односторонним и ложным, потому что оно основано всецело на этой эксплуатации. Мы знаем, все люди, без единого исключения, продукты своей среды; и надо много, много счастливых обстоятельств и огромных личных усилий чтобы человеку родившемуся и проведшему полжизни в среде привилегированной удалось вырваться совершенно из-под пагубного влияния ее условий. –

Большинство так или иначе привилегированных лиц составляют, можно сказать по неволе, партию реакции. Для того чтобы исправить их и дать им возможность сделаться людьми полезными и справедливыми, надо разрушить в корне их мир, отняв у него всякую возможность дармоедствовать, паразитствовать, и управлять, то есть эксплуатировать народные массы в свое удовольствие и пользу.

Противоположное им, *весьма малое* меньшинство состоит из людей действительно и вполне искренних, которым удалось вырваться совершенно из-под всех влияний своего прежнего мира и отдаться вполне делу народного освобождения. Но, несмотря на всю несомненную искренность их новых стремлений, этим людям нужен строгий присмотр за собой, для того чтобы не впасть *бессознательно*, в более или менее старые заблуждения и в прежние эгоистические, тщеславные и честолюбивые стремления. Не легко отделаться от старых привычек! Старые привычки умирают вполне только тогда, когда умерло окончательно *старое положение*. Кто сколько-нибудь смыслит челове-

5. Успехи Интернационала

Основатели Интернационального общества поняли это превосходно. Если бы они выставили с первого раза анти-религиозное и антимонархическое знамя, огромное большинство работников не пошло бы за ними. Им удалось бы может быть образовать секту, тогда как для достижения цели необходимо сплотить всю чернорабочую массу в Европе. Вот почему оставив на первое время, совершенно в стороне все религиозные и политические вопросы, основатели общества выставили знамя, на котором были написаны только эти слова: «Борьба на жизнь и на смерть, и до всецелого торжества труда против капитала».

скую природу, тот не станет самонадеянно рассчитывать на свою личную волю, на свою личную силу; тот знает, что никакие благородные и великодушные чувства и намерения не в силах устоять против железного общественно-физиологического закона, по которому человек, самый сильный, великодушный и умный есть продукт, есть раб своего положения. И потому кто хочет соблюсти свою личную, нравственно-общественную чистоту и искренность, тот должен прежде всего разбить в своем положении все что может дать ему жизнь отдельную, чуждую, а потому и противную великому интересу всенародного освобождения – должен разорвать до конца последние узы: материальные или экономические, семейные, общественные и политические, которые, незаметным для него самого образом, могут связать его и непременно связывают его еще с миром сословно-государственным. – Люди, имеющие достаточно сил, чтобы совершить такой подвиг, становятся драгоценными.

Между реакционным большинством и немногочисленным меньшинством людей искренно и всецело преданных делу народного освобождения, есть в сословно-государственном мире, целая категория людей, довольно значительная по своему количеству, а по тому вредному влиянию, которое она имела в прошедшие времена на народные массы, и которое даже и ныне, хотя и в несравненно меньших размерах, становится иногда поперек социально-революционному движению. К этой категории принадлежат именно все те лица, которые умственно и сердечно отдались, с большей или меньшей откровенностью, народному делу, но которые вместе с тем по своему общественному положению, по материальным и политическим выгодам этого положения, по всем своим привычкам, общественным и семейным связям, принадлежат к миру враждебному этому делу. Эти люди самые

несчастные и вместе с тем самые вредные. Обманывая в одно и тоже время и народные массы и самих себя, искренностью своих народолюбивых стремлений, самые лучшие между ними, повинуюсь железному закону, по которому положение всегда сильнее²⁵ лица, со словами народного блага и народного освобождения на устах, большей частью, и нередко, разумеется, сами того не подозревая, служат делу реакции. Вот эти-то люди и наполняют ряды партий исключительно политических республиканцев и буржуазных социалистов, а также ряды партии *социально-революционной диктатуры*, или *социально-революционного государства*, о которой мы будем говорить впоследствии.

Люди, принадлежащие к этой категории, вступая в Интернациональное общество, могут сделаться действительно опасными для него. Они, как истинные демагоги, стремятся уничтожить существующие государства только для того, чтобы создать новую форму государственности, то есть владычества, если не в пользу своих материальных интересов, то непременно уж в пользу своего честолюбия, тщеславия, удовлетворение которого, впрочем, имело бы непременно результатом и их материальную выгоду. Они опасны потому, что могут увлечь народные массы, потакая в одно и тоже время опасной народной страсти и опасному народному предрассудку: страсти мщения, заставляющей часто народ искать, с положительным вредом для себя, удовлетворения, освобождения и спасения в повальном уничтожении лиц, а не вещей и не порядков составляющих всю силу и производящих всю безнравственность лиц государственно-сословного мира; и предрассудку, который по несчастью еще глубоко коренится в народных массах, предубеждению в пользу *сильной го-*

²⁵ Конец текста рукописи из РГАЛИ.

сударственной власти, разумеется уже не *сословной*, а *народной*; как будто официальная власть может сделаться когда-нибудь действительно-народной властью, и как будто она уже не есть сама по себе всенепременный источник сословности и сословий!

По всем этим причинам, Интернациональное общество, принимая в свою среду и сословных людей, относится к ним гораздо строже, чем к людям черной работы. Если чернорабочие люди придерживаются каких бы то ни было вредных религиозных или политических предрассудков, то уже, разумеется, не в силу своего интереса, а в противность ему, в противность всем своим натуральным стремлениям к улучшению своего материального быта. Они придерживаются их по невежеству и по вытекающему из него несчастному традиционному недоразумению, заставляющему их слишком часто искать спасения там, где их верная гибель.

Народные массы вырабатывают свои убеждения, справедливые или ложные, не путем книжного образования и сознательного мышления, а медленным и трудным путем исторического опыта, путем исторических бед и страданий, вследствие чего народные убеждения естественным образом чрезвычайно упорны. Была бы большая ошибка со стороны людей, искренно желающих освобождения народного, если бы они открыли прямую войну против народных предрассудков путем книжной или словесной свободе-мыслительной пропаганды. Такая пропаганда не может иметь ни малейшего действия на народ, может разве только его раздражить. Народ мыслит фактами, а не словами, – он большей частью презирает слова. Поэтому надо убеждать его фактами, а не абстрактно-логическими заключениями. Глупость народа не столько в его голове, сколько в его положении; поэтому надо действовать на его положение.